

ВАЛЕНТИНА ОРЛОВА

**На край света...
с любовью**

Валентина Александровна Орлова

На край света... с любовью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39144050

ISBN 9785449361622

Аннотация

Студентка театрального училища – Марина возвращается после весенней сессии в родные места. Она надеется на встречу с любимым человеком, с которым рассталась год назад. Воспоминания о трудной любви захватывают ум и сердце девушки. Она горько сожалеет о том, что поссорилась с любимым из-за своей мечты, стоило ли жечь все мосты ради актерской карьеры?

На край света... с любовью

Валентина

Александровна Орлова

© Валентина Александровна Орлова, 2018

ISBN 978-5-4493-6162-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я приехала на каникулы двадцать девятого июня. Я готова была улететь сюда на крыльях. Страшно скучала по родным местам, лугам, по улицам и фонарям. Все так отчетливо вспоминалось-каждый камешек, каждая тропиночка. Помню, как мчался пригородный поезд от станции Красный узел. А какие луга расстились вокруг! Было жарко, но встречный ветер обвевал лицо, ударяя и обдавая его медовым луговым запахом. После душного и пыльного города сельский пейзаж казался мне раем, обетованной землей. И сердце замирало сладко-сладко то ли от этого пьянящего воздуха, то ли от того, что скоро, очень скоро я увижу тебя!

Да, я ехала к тебе, к тебе далекому, но не забытому, к твоим губам, к твоим глазам, к твоим рукам- к тебе. Больше всего на свете я желала увидеть тебя. Пусть даже ты и не по-

дойдешь ко мне, я только издали посмотрю на тебя и улыбнусь в ответ на твой мимолетный взгляд.

В поезде, когда я ехала из Казани, мне гадалка нагадала на картах твою верность и любовь. Сказала так: «Верность его тебя обрадует, любовь его тебя удивит».

Я вспомнила наше расставание. Кто же виноват, что пути наши разошлись навсегда? Может быть потому, что мы слишком разные? Только не поэтому. Я не верю в то, что абсолютно одинаковым людям вместе не скучно. Да и не бывает двух людей во всем похожих друг на друга.

Может быть ты не принимал всерьез мою любовь? Когда-нибудь в конце жизни мы встретимся вместе глубокими старичками и спросим себя: что же помешало нам быть вместе, что? Что-то потеряно, безвозвратно потеряно между нами.

За этот долгий год я многое передумала. Может быть стала взрослее. Семнадцатилетие осталось позади, но ничего не изменилось, я по-прежнему люблю тебя. Такие мысли посещали меня дорогой. Впрочем эти мысли были со мной весь этот долгий год.

И вот – я дома. Дома! Впереди целых два месяца отдыха. Правда время летит быстро, но ведь целых два месяца! Живу сознанием, что ты рядом, но прошло уже два дня, а я еще не видела тебя.

И вот мы встретились! На танцах. Я не могу быть спокой-

ной, когда ты здесь! Ты не подойдешь? Посмотрим! Я танцую, я хохочу, я очень мила! Это мне сказал кавалер по танцам, а он, кажется, твой друг. Посмотрим, хватит ли у тебя выдержки, Андрей Михайлович! Как весело! Я почти пьяная! А от чего? Не знаю, просто так. Кто-то преподнес цветы... Спасибо, я очень признательна. Шум, гам, спрашивают:

– Вы актриса?

– Нет, что вы, просто студентка театрального училища.

– Привет, Маринка!

– Привет.

– Сколько осталось учиться?

– Три года... ха-ха-ха!

– Надолго ли к нам?

– На два месяца... ха-ха!

Ты все слышишь. Весь этот поток вопросов обрушился сейчас и на тебя. Ведь я только для тебя отвечала на них. Ведь, если все кончено, ты бы не посмотрел на меня сейчас так внимательно. Это твои вопросы, только почему-то они заданы другими.

Танго... Томное танго. Ты подошел ко мне... Господи, что мне делать, отказать?.. Не могу... Пойдем, тихо-тихо, как тогда... Я чувствую твою руку и вижу твои глаза. Твоя рука вздрагивает. И первый вопрос, на который при таких обстоятельствах способен только ты:

– Откуда свалилась?

– С неба.

А глаза: я люблю тебя, я целый год думала о тебе, скучала, ждала...

– С какого?

– С седьмого.

И твои глаза: глупая девчонка, все такая же дурочка, как и в семнадцать лет. «Спасибо, любимый» – это я сказала тебе глазами.

Скорее скажи еще что-нибудь, а то танго кончится. О чем мы еще говорили, не помню.

Помню только, о чем молчали.

Но вечер танцев кончился. Пора домой. Нет, ты не жди меня, не жди. Мы не будем сегодня вместе. И вообще никогда мы не будем вместе. Я постараюсь избегать тебя.

Но совсем избежать не удалось. Один вечер мы были вместе. В начале июля.

Вечер был теплый. Только что прошел дождь, и на улице никого не было. Я возвращалась домой одна. Вдруг я услышала, что меня кто-то догоняет. Это шел ты. Ты зовешь меня! Я сейчас убегу... к тебе!

Но ты идешь сам, и каждый твой шаг отдается в сердце. Неужели все сначала? Как тогда? Нет, так, конечно, уже не будет. Но я все равно люблю тебя. Вот сейчас я должна буду оттолкнуть тебя навсегда, но я не смогу, и ты не уйдешь.

– Зачем пришел?

– Не могу... без тебя не могу...

Твои руки совсем близко. Сейчас, еще секунда, и я с тобой... нет, не хочу!

– Уходи.

– Не могу.

И все. Больше нет слов. Но я должна сказать все. И я говорила. Меня как будто-бы прорвало, я хотела высказаться за весь год молчания.

– Слушай, вот уже третий год пошел, как все началось, скажи, что тебе от меня нужно? Хочешь женой сделать, незаконной?

– И сделаю... законной сделаю. Пойдем со мной, ко мне.

– Зачем я с тобой пойду, у тебя жена дома.

– Я – один, я совершенно один! Пойдем!

– Я тебе не верю, не трогай меня, уйди!

Ты обнял меня крепко, и я вдруг почувствовала влагу на своей щеке. Ты плакал на моем плече! Ну, что поделаешь, Андрюшенька, ничего ведь уже не воротишь. Что с тобой, странный ты человек, кто виноват? Ты сам все сделал своими руками. Ты же не думал тогда, что я уеду, что у меня хватит сил оставить тебя? Но сил сил хватило на все. Хватило сил порвать с другом, который постоянно объяснялся мне в любви в письмах. Бедный Валерка! Мой одноклассник, он служил в армии, и ему было там грустно. Я написала, что любить его не могу и согласна только на дружбу. И дру-

гой мой приятель по переписке тоже признался мне в любви из города Горького. Очень талантливый студент. Женя учился на математическом факультете Горьковского университета. Я тогда целую неделю ходила, как чумная. Ведь он мне очень нравился-Женя, он отличный, добрый человек. И, может быть, было бы все по-другому, ответь я ему, что он мне тоже нравится. И я собиралась этим летом поехать в Горький. Но приехала сюда, увидела тебя, и не смогла.

Я не пошла с тобой тогда. Я убежала, а сейчас проклинаю тебя за то, что не осталась с тобой. Я старалась уснуть, но твои шаги под окнами прогоняли сон. Долго-долго слушала я эти родные шаги.

Лето мое кончается... А ты снова ищешь встречи. С той ночи я не видела тебя больше месяца. Чем ты был занят, не знаю, могу только предполагать, что ты боролся с собой, не показываясь мне на глаза. Но я видела тебя каждый день. Каждый день после работы ты по нескольку раз проезжал мимо моего дома на велосипеде. Ну что ж, спасибо тебе хоть за эти краткие мгновения. Но недавно ты снова приходил в кино два подряд, улыбался мне. А совсем недавно ушел из клуба последним. Помедли я минуту, и мы были бы вместе. Я пошла с девчонками, смеялась, шутила, а ты в это время шагал сзади. Помню чей- то вопрос:

– Маринка, когда уедешь?

Я ответила нарочно громко, чтобы слышал ты:

– Да скоро уже, двадцать восьмого. Я здесь ни на один

день не останусь.

Теперь ты знаешь, когда я уезжаю. Господи, зачем я тогда убежала?! Куда ты опять пропал? И твоя дребезжалка что-то затихла. Я жду ее каждый вечер, как избавление от тоски. Я не увижу тебя сегодня, и не знаю, увижу ли завтра. Я давно жду тебя, третий год жду, когда ты придешь ко мне навсегда. Неужели господь не услышит меня?

И все-таки мы встретились!

Как во сне ты стоишь передо мной в ту теплую, безлунную ночь, окутанный светом далекого фонаря. Он был тогда единственным свидетелем нашей разлуки. Помню, как я уходила: медленно-медленно, а ты шел за мной до самой двери, как пришелец с другой планеты. Мне тогда в темноте вдруг представилось, что ты- это вовсе не ты, что ты сошел сейчас с неизвестной звезды, идешь ко мне облитый ее сиянием, и твои глаза блестят в темноте холодным голубоватым светом. А руки у тебя железные, как у робота, и холодные, как сталь. И, если сейчас, в эту минуту, я отдамся этим рукам, то они не выпустят меня ни за что на свете, и я умру в этих холодных объятиях. Мне стало страшно, я испугалась тебя, такого большого, сильного и неизвестного. А потом, лежа в постели, и, слушая твои шаги, я дрожала от непонятных ощущений, от боли и горя в душе, и от какого-то неземного звездного счастья. И я знала, точно знала, что это не конец, что ты придешь, опять придешь ко мне. Приходи, я жду.

Вчера я могла бы увидеть тебя, но меня увезли с концер-

том в соседний поселок. Но мы должны поговорить. Я знаю, что я скажу тебе: если ты любишь меня и найдешь на краю света, то я – твоя и больше ничья. Я не хочу ничего легкого. За свою любовь я буду бороться. За тебя тоже. Я добьюсь того, чтобы ты все сделал своими руками, и сам приехал ко мне. Да поможет тебе господь! Я люблю тебя, люблю, люблю...!

...Сижу на вокзале и ни о чем не хочу думать. Очень хочется спать, а на душе пустота. Как будто что-то оборвалось во мне сегодня. Ты не пришел, и некому открыть душу, пожаловаться на судьбу, некому. Даже маме. Она, бедная старушка, глядя на меня, подумала сегодня, что я плачу из-за того, что она сильно сдала после операции. Конечно, мне было очень ее жалко. У нее удалили хронический аппендицит в пятьдесят шесть лет, швы заживали плохо, делать она ничего не могла, и хорошо, что рядом с ней оставались сестра и папа. Да она меня бы и не поняла в этом состоянии. Она думает, что с тех пор уже все забылось, все поросло осенней седой травой.

Ты не пришел проститься. И кто, кто мне скажет – почему?! Может быть ты обиделся на то, что я не осталась с тобой в тот вечер, а убежала с подружками? Ведь ты не думаешь, что они мне дороже тебя? Тогда зачем же я это сделала? Не знаю. Всеми моими поступками руководит что-то еще помимо моей воли. Какое-то непонятное самой мне упрямство. Да, наверное, -это так, другого слова и не придумаешь.

Не имею обыкновения прощаться с людьми. Я ведь знаю что все равно увижу их. Они рядом, и я не прощаюсь с ними, а говорю им просто: " до свидания», потому что так теплее. А с тобой я хотела прститься, и многое сказать тебе, но ты оказался далеко. Не могла сидеть в клубе и ждать тебя там. Вышла на улицу.

...Тишина, тишина... Все по- пржнему, как было два года назад... Те же деревья смотрят в черную, печальную гладь верхнего пруда. А теперь он смотрит на меня своим темным, бездонным глазом, и думает, и не может понять: почему один грустит человек? Почему никто не может разделить его печаль? А может быть он думает совсем не об этом... Может быть. Прощай старый пруд. Ты тоже был когда_ то свидетелем наших встреч.

И ты прощай, старая автобусная будка, Твои дощатые стены исписаны клятвами влюбленных. Кто-то писал нежные слова, не думая о том, что они могут навсегда забыться. Хорошо, что мы не написали не строчки на твоих дряхлых стенах. Что еще? Еще были два казенных дома: белый и красный. Два замка. Один из них-красный, я знаю отлично. Его стены тоже слышали твои слова. Прощайте старые замки. Ваши двери теперь навсегда закрыты для нас с тобой. Наверное, ты сейчас не спишь. Чем ты занят, дорогой мой человек? О чем думаешь сейчас? Прости меня за все. Я немало доставила тебе хлопот, немало ты испытал со мной и хорошего, и плохого. Но я ни в чем тебя не упрекаю.

Странно как... Сейчас, напротив меня, на вокзальный диван присели женщина и мужчина, видимо муж и жена. Они как-то оживили это сонное вокзальное ожидание. Они оба еще молоды и привлекательны. Он немного полноват, лицо очень приятное, неглупое и обаятельное. Вот сейчас он встал и куда-то пошел, наверное, в ресторан. Высок, хорош собою. А она, по-моему, самая обычная..С накрашенными губами, как девочка, в коротенькой юбочке. Она осталась одна, задумалась. Она, наверное, думает о нем.

Когда они сидели вдвоем и о чем-то мило болтали, она шаловливо хватала его за нос и заправляла ему кудряшки за ухо. Они любят друг друга. И вместе они, по-моему, недавно. Интересно, куда они едут? Может быть в отпуск отдыхать? У них очень легкий багаж, хорошо, не по-дорожному, одеты. Когда он разговаривает с ней, у него глаза какие-то чудные становятся, как два чертика. Он, наверное, зовет ее мышкой.

Вот он сейчас вернулся. Опять смеются. Они счастливы. Счастливы сейчас, не завтра, не вчера, а вот именно- сейчас! У счастья нет завтрашнего дня. Они сейчас убедили меня в этом. Мне сейчас было хорошо и радостно за них обоих. Пусть они не знают и никогда не узнают об этом; я даже не могу поблагодарить их за то, что сейчас испытала, глядя на них. Пусть они будут счастливы. Может быть это счастье им тоже не легко досталось.

Теперь же настала пора описать все сначала, т.е. с момента нашей встречи до того памятного восьмого марта.

Я не помню, когда впервые увидела тебя. Я знала тебя еще со школы, как старого участника агитбригады. Вы начали брать меня с собой для участия в ваших концертах, когда я еще заканчивала среднюю школу. Впрочем, я, кажется, тогда тебя просто не замечала, а, может быть виной всему была моя девичья застенчивость, или вернее всего то, что в пятнадцать лет я еще мало обращала внимания на мужчин, которые казались мне тогда совсем неинтересными.

Но, однажды, мое на тебя внимание обратила Ирка- моя подружка. Она сказала, что ты самый симпатичный из всего мужского ансамбля, а в военной форме, в которой вы тогда выступали, ты вообще бесподобен. Насколько я помню, она была влюблена в тебя тогда безответно. Я, кажется тогда с ней не согласилась, хотя она была совершенно права. У тебя были красивые карие глаза, прямой нос, красивый овал лица и белокурые волосы. И очень четко очерченные, чувственные губы. Я тогда ей так и сказала, что недурная внешность – это единственное твое достоинство. Да и ты меня просто, я могу это точно сказать, тогда не замечал.

Впервые ты «увидел» меня, когда я уже работала в ДК. Так как у меня был небольшой стаж внештатной работы в этом заведении, да и после моего неудачного поступления в ГТУ, мне некуда было деваться, то меня, как старого участника агитбригады, приняли на работу в дом культуры заве-

дующей автоклубом. Мне было совершенно все равно где работать, так как я еще ничего толком не понимала и не умела. Усвоив от заведующего отделом культуры свои обязанности, я понемногу привыкла к здешней обстановке. Дни тянулись медленно, ничто не нарушало спокойного течения времени и мыслей. Начальство пока не обращало на меня особого внимания. В настоящий момент в очаге культуры не было баяниста, поэтому мы сидели на месте и с концертами нигде не ездили.

Прошла неделя моей работы, и вдруг однажды пришел ты. Сейчас я может быть начну прувеличивать, что даже стены, выкрашенные в темно-зеленый цвет, засияли от твоей улыбки. Ты шутливо спросил у наших парней, откуда я появилась.

– Да ты что, не узнаешь что ли? – засмеялся наш методист Сашок. – Это же Маринка. Помнишь, с нами ездила? Теперь работает у нас заведующей автоклубом.

– Ого, начальник! -засмеялся ты.-Ну что ж начальник, будем знакомы, Марков Андрей Михайлович.

И весь этот день ты дружелюбно надо мной подшучивал. Сначала ты сказал, что у меня интересная походка, и что ты мне сейчас покажешь, как я хожу. Я улыбалась и краснела. Ребята вокруг покатывались со смеху, когда ты повторил, что сейчас пройдешься как я. Меня это начинало постепенно выводить из равновесия. «Чудак какой-то, чего привязался?» – подумала я про себя. Потом наш бухгалтер дала мне письмо и велела отнести на почту, а ты вызвался мне помочь.

– Нет уж спасибо, – сказала я, – вы помощник ненадежный.

– Хошь, покажу? – крикнул ты мне вслед, а я засмеялась и убежала.

Сначала наши отношения складывались легко и просто. Ты был для меня добрый приятель, просто старший друг, не более. Ты часто стал заглядывать к нам на работу, подолгу болтали мы вместе, и мне ни одно твое слово не казалось двусмысленным. Отношения были простыми и ясными, как майский день. Ты стал активнее участвовать в занятиях ансамбля. Ты выделялся среди наших ребят своей интеллигентностью, никогда я не слышала от тебя плоских шуток или дурацких приколов. Однажды мне сказали, что тебе уже двадцать пять лет. Для меня с высоты моих семнадцати это был очень солидный возраст. Я не поверила и рассмеялась. Ты мне казался просто большим ребенком, да и какой это возраст, если подумать. Просто сельские парни выглядят старше и серьезнее своих городских ровесников.

Однажды я пришла на работу с покрашенными ресницами. Я до сих пор помню, как ты подошел тогда ко мне, наклонился, и с улыбкой вдруг произнес:

– Ну вот, здрасте! Что же это ты сделала, Маринка? А я тебя еще всем в пример ставил.

Мне стало страшно неудобно, я покраснела, и когда пришла домой и умылась, то целую неделю не могла смотреть на тушь равнодушно. Да и на тебя тоже.

Да и мое отношение к тебе стало постепенно меняться. Я почему-то уже не могла свободно и легко держаться в твоём присутствии: мне иногда хотелось до невозможности смяться и хохмить, а иногда я просто садилась в укромный уголок, чтобы никто не видел, как я смотрю оттуда на тебя. И всегда мне хотелось, чтобы ты слышал все мои слова, сказанные другим. Разговаривая с кем-нибудь я искоса поглядывала на тебя, желая узнать, слышишь ты меня или нет. И, если ты не приходил, то день мне казался длинным-предлинным, как путь на Сахалин, и яркое солнышко не радовало меня, а улыбки окружающих начинали раздражать. Я готова была ждать тебя, а иногда ждать не хватало терпения, и я сама убегала к тебе на работу. У тебя было интересно. Ты работал тогда в старом здании: окна в вашем кабинете были выбиты, и ветер разгуливал по комнатам, нигде не задерживаясь. Печи осенью не топились, и поэтому я всегда заставляла тебя сидящим за столом в пальто и перчатках. Чтобы ты не подумал, что я пришла к тебе ради тебя самого (упаси боже), я всегда находила какое-нибудь дело. Чаще всего я приходила пригласить тебя на хор. Я приносила с собой объявление, заходила к тебе в кабинет, и, не говоря ни слова, прикрепляла его к двери. После чего сразу же бралась за ручку, и уже знала точно, что сейчас ты меня остановишь. Так оно и было: твой оклик заставлял меня повернуться обратно, улыбнуться, и... остаться. Ты раньше меня понял, что я отношусь к тебе не просто как к другу, а несколько иначе. Ты говорил,

что тебе скучно одному сидеть в этой холодной дыре.

– Я останусь, хорошо, а ты научишь меня стрелять? В твоём ДОСААФе без дела сидеть замерзнешь.

– Обязательно, вот только винтовочку пристреляю.

Ты тогда работал председателем ДОСААФ- была такая военно-спортивная организация, и в твоём ведении было оружие. Эти винтовочки были очень интересные игрушки: я любила разбирать и собирать их. Сначала я не умела, но ты сам научил меня; часто говорил, что из меня со временем получится хороший солдат. И мне было почему-то смешно и сладко от твоих простых человеческих слов, и я ничего на свете не хотела кроме твоего доброго участия. А сама не могла понять, что со мной такое творится, почему вдруг весь мир уместился в твоих глазах! Я без причины смеялась в твоём присутствии, краснела только от одного твоего взгляда, и все время меня преследовало одно желание, чтобы ты непременно всегда был рядом. И ты, как будто добрый волшебник, угадывал на расстоянии мои мысли. Бывало, только стоит подумать о тебе, а ты уже стоишь на пороге, и улыбаешься, и смотришь на меня своими карими глазами, в которых, как маленькие чертики, играют веселые смешинки. Я и не подозревала, что за твоим веселым и беззаботным смехом и добрым нравом прячется страдание и непонятная покорность судьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.